6 ИЮН 1987

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

СЕГОДНЯ — ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

ПУШКИН В МОЕЙ СУДЬБЕ

«С именем Пушкина...» — так начинаются многие письма, посвященные гению отечественной культуры, которые каждый день приносит редакционная почта. Люди самых разных возрастов и профессий рассказывают о своей неизбывной любви к Пушкину, делятся мыслями о месте гениального поэта в их жизни, вспоминают светлые минуты прикосновения к творчеству Александра Сергеевича. Из простых, подчас безыскусных строчек этих писем складывается восхитительная картина всенародной любви и благодарности к нашему Пушкину. И сегодня, в день его рождения, мы хотим познакомить читателей с некоторыми из ответов на анкету «СК» «Пушкин в моей судьбе».

● *А. С. Пушкин на набережной Невы.* Гравюра народного художника РСФСР Ф. Константинова.

НА ВОПРОСЫ АНКЕТЫ «СК» ОТВЕЧАЮТ

Римма КАЗАКОВА, поэтесса:

Старший в роду

Мое счастливое первое прикосновение к литературе началось со сказок Пушкина. Я была маленькая, шла большая и страшная война, у квартирной хозяйки в городе Глазове, где мы жили в эвакуации, был затрепанный сборник, который я, придя из школы и забравшись в нетопленой комнате под отцовскую довоенную бекешу, сбереженную матерью, читала вдоль и поперек. Отец и старший брат воевали, мать была на работе, младший брат — в детском саду. Вечером приходила мама, топила печку, варила обед. Становилось тепло, и, сидя у приоткрытой заслонки под уютное потрескивание дров, я листала страницы Пушкина, ало озаренные пляшущим светом, и вырастали в тайных глубинах памяти лики, леса, терема, города. «Царь с царицею простился, в путь-дорогу снарядился...» Как мирно, как напевно лились эти слова, как мощно они противостояли холоду, горю, войне! Мир пушкинских сказок, который вошел в меня, нельзя было поработить фашистам, убить пулей, снарядом, голодом. Я и сама еще не понимала, а принимала в себя вселенную Родины, родного языка, и пушкинское праведное слово давало душе путеводную нить на всю грядущую жизнь, дарило уверенность, радость, живучесть.

Наша любовь к Пушкину начинается еще в подсознании, мы долго не называем ее любовью, живем с ней, как дышим, как ходим по земле, как думаем и чувствуем. Она естественна и органична и сродни самой жизни. Пушкин — наш первый учитель, первый мудрый старший, который открывает мир и настраивает душу на творящее добро.

Где-то есть в моей судьбе, в моей собственной жизни тот край, та улица, на которой «...Три девицы под окном пряли поздно вечерком...» Полное ощущение, что это не прочитанная книга, а прожитое, реально случившееся.

Даже школа, которая в пору моего ученичества часто убивала любовь к литературе, которую не изучали, а «проходили», Пушкину в моем сознании урона не нанесла. Любимой стала в том подростковом возрасте, да так и осталась, поэма «Медный всадник». Я жила тогда в Ленинграде, и часто мы, первокурсники, которые толком не знали, для чего пошли в университет — учиться или влюбляться,— гуляли в белую ночь по городу с Пушкиным на устах. Если идти по Ленинграду и читать «Люблю тебя, Петра творенье...», возникает ощущение, что строки поэмы сейчас, сие мгновение творятся в такт шагам. Чистота, прозрачность, точность строк поэмы удивительны. Вопросы: «личность и общество», «человек и власть» и многие другие поставлены были Пушкиным так, что и сегодня вскрытые им зависимости, противоречия, взаимосвязи нечем дополнить. И многие вопросы еще ждут своих ответов. Поэтому и воспринимается этот гений земли русской как современник, высокого ряда собеседник, наставник, движитель чувства и мысли.

Лет тридцати с небольшим от роду я училась на Высших литературных курсах. И со свойственным начинающим литераторам нигилизмом спросила как-то Сергея Михайловича Бонди: «А зачем нам так подробно изучать черновики Пушкина и входить во все тонкости его, так сказать, поэтической лаборатории?» «Я вам отвечу»,— сказал с улыбкой этот мягкий, очаровательный, умный педагог. На следующем занятии он мне персонально вручил фотофаксимиле странички, где Пушкин для стихотворения «Мороз и солнце; день чудесный!..» ищет, кого бы «запречь» в санки. Кого там только нет, каких только коней и кобылок, текинских кровей и всяких прочих! Около тридцати вариантов. И вот наконец простое, земное, пушкинское: «кобылку бурую...».

И вдруг я поняла, что сама вот так же точно, таким долгим путем отбора, сравнения, прикидки, взвешивания ищу нужное слово. Мне показали технологию моего ремесла, но в совершенном, классическом виде. И возникло чувство восторженной радости от причастности к одному клану, к этому скоморошьему, трудному, великому делу, к небесам и грунтовым твердям поэзии. И быстренько убрала я себя с самонадеянного пьедестальчика, который уже, отчасти из чувства самозащиты, выстроила себе, и воздвигла на пьедестал своей признательной любви Пушкина. Навсегда!

Несколько лет подряд, будучи секретарем правления Союза писателей СССР, я отвечала за проведение Всесоюзного пушкинского праздника поэзии. Очень часто в эти годы я бывала в Михайловском и в других «пушкинских» местах страны, и великий поэт открывался мне все больше во всевозможных ипостасях своей неисчерпаемой личности. Помню Оренбург, новое, сопряженное с этим адресом пушкинской биографии прочтение его пугачевской эпопеи. Новый Пушкин — жесткий реалист, давший начало русской крепкой, многозначащей, дышащей жизнью, любящей и сострадающей прозе...

Однажды молодой итальянец, принимавший участие в празднике, в пушкинском Лицее на встрече с читателями сказал: «Какие вы счастливые: у вас есть Пушкин, есть старший в роду!» Да, хорошо с этим старшим, хорошо, отрадно, гордо чувствовать себя частицей народа, давшего миру такого старшего!

И в день рождения Александра Сергеевича, где бы я ни находилась, как бы далеко от меня ни была Пушкинская поляна в Михайловском или ленинградский дом на Мойке, подмосковное Захарово или горьковское Болдино, удостоили меня чести восславить Пушкина в Колонном зале Дома союзов или я просто кладу к подножию памятника Пушкину скромный цветок,— это всегда мой личный праздник. Я ставлю в вазу цветы, зажигаю свечу и посвящаю вечер ему, великому и вечному, бесконечно дорогому Пушкину!

Владимир СПИВАКОВ, народный артист РСФСР:

Истинный сын гармонии

Пушкин — мой любимый поэт. С искренним наслаждением читаю я и его произведения, и пушкиноведческую литературу. Но сегодня, в день рождения гения России, мне хотелось бы поговорить об одной, но важной грани пушкинской музы, провести музыкально-поэтические параллели творчества поэта, связывающие две стихии — гармонию слова и музыки. И, конечно, основная параллель — Пушкин и Моцарт.

Вновь и вновь обращаясь к моцартовской музыке, я все чаще размышляю об этом. Мне даже кажется, что Пушкин в значительной степени влияет на наше сегодняшнее восприятие Моцарта. Волею судеб русский поэт как бы принял эстафету совершенства от музыканта.

В этом нет ничего удивительного, если вспомнить музыкальную восприимчивость Пушкина. Ведь многие его шедевры ведут свои истоки от звуковой стихии. Именно песенные впечатления, как мне кажется, стали завязью «Цыган». А каково умение вслушаться в обороты народной песенности — даже крупнейшие знатоки не могли отличить фольклорный оригинал от созданий пушкинской фантазии.

Да, в целостном художественном мире современного человека фигуры Моцарта и Пушкина сопрягаются, несмотря на разделяющие их время и пространство. Вот истинные сыновья гармонии! И совсем неважно, что один использует слова, а другой — звуки.

Загадочна неотразимая сила их притягательности. Чего уж, казалось бы, проще моцартовского менуэта или пушкинского «В те дни, когда в садах Лицея я безмятежно расцветал», но и там, и там какая-то пленительная сладость! Кто еще владел таким секретом простоты?

И Моцарт, и Пушкин умели сразу взглянуть, словно сквозь магический кристалл, на свое будущее детище как бы с орлиного полета, объять его целостное единство. Нам, музыкантам-исполнителям, достается нелегкая задача воплотить у Моцарта это единство в конкретном звучании. Но ведь такого же «соавторства» требует от читателя и «Медный всадник»...

Гений всегда непредсказуем. Подтверждение тому мы находим чуть ли не на каждой странице Пушкина и Моцарта. Я бы сказал, что Пушкин по-моцартовски свободно владел искусством неожиданных модуляций. Они всегда поражают меня, хотя бы я в сотый раз читал то или иное сочинение поэта. Собственно, он и сам указал на этот художественный прием, вложив в уста своего Моцарта характерную программную декларацию к двум-трем музыкальным мыслям:

Представь себе... кого бы!
Ну, хоть меня — немного
помоложе;
Влюбленного —
не слишком, а слегка —
С красоткой, или с другом —
хоть с тобой —
Я весел... Вдруг:
виденье гробовое,
Незапный мрак
иль что-нибудь такое...

Недаром проницательный Сальери оценил исполненную музыку двумя словами — смелость и стройность. Действительно, сочетать две эти ипостаси дано немногим.

Уверен, что слушатели смогли оценить блестки юмора, рассыпанные в сочинениях Моцарта. И это тоже роднит в моем восприятии двух гениев мировой культуры. Тот и другой всегда были готовы преподнести слушателю и читателю приятную шутку. Думаю, что Сальери, этого «академика в чепце», ревнителя классической строгости, вслед за игрой слепого скрипача, наверное, рассердила бы задиристость поэта, прервавшего зарисовку русской зимы:

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
[Читатель ждет уж рифмы
р о з ы;
На, вот возьми ее скорей!].

Есть какие-то судьбоносные точки соприкосновения Пушкина и Моцарта не только в творчестве, но и в их жизни, полной и радостных откровений, и тяжких разочарований. Им обоим улыбалась слава, они оба познали сладость успеха, но их подстерегало и гнетущее непонимание, внутреннее одиночество, и даже обычные материальные невзгоды.

Но они всегда были полны радости жизни! Они были влюблены в жизнь — и мы ощущаем это в каждой поэтической строке, в каждой музыкальной фразе. Поэтому они и помогают жить нам, являются путеводной звездой нашей духовности. Так будет вечно — и в третьем тысячелетии тоже.

Юрий МАРУСИН, народный артист РСФСР:

Бесконечен, как сама жизнь

— В детстве я прикоснулся впервые к волшебному миру чудесных пушкинских сказок. Часто вспоминаю вьюжный зимний вечер, мы сидим с отцом за столом. Вокруг полумрак, причудливые тени бродят по стенам, и слышится тихий, загадочный голос отца: «Пошел старик к синему морю ...Стал он кликать золотую рыбку...» И мое сердце замирает от невыразимой сладости и тревоги...

Сколько в его сказках прелести, добра и правды! Сколько житейской и философской мудрости! Человек, пытающийся любым путем взять от жизни все, что можно, помни о разбитом корыте...

Потом была школа. Там был уже другой Пушкин, и я был уже другим. «Евгений Онегин», «Повести Белкина», «Медный всадник», стихи, стихи... Пушкин все больше манил и увлекал меня. Я грезил героями его книг. Я хотел быть Онегиным. Но... жизнь оказалась сильнее моих мечтаний, волею судьбы и случая я стал Ленским, но уже на оперной сцене.

По роду своей профессии я имею счастье каждый день прикасаться к пушкинскому наследию; думать, искать, спрашивать, удивляться и, наконец, исполнять многие его произведения. Пушкин бесконечен, каждый раз я открываю его для себя заново. «Моцарт и Сальери» Римского-Корсакова, «Каменный гость» Даргомыжского, «Борис Годунов» Мусоргского, «Руслан и Людмила» Глинки, «Мазепа» Чайковского... Но среди своих любимых произведений прежде всего назову «Евгения Онегина» и «Пиковую даму».

Каждый раз, когда я выхожу на сцену в пушкинских спектаклях, всегда мучительно сомневаюсь, сомневаюсь в себе и в своих силах. То ли и так ли я делаю? Правда ли все то, что я играю, о чем пою? Верно ли я читаю и понимаю Пушкина? Ведь невозможно украсить гения, но испортить можно всегда.

Я часто спрашиваю себя: почему Пушкин так любим людьми и почитаем ими? Почему почти два столетия он так близок и необходим всем живущим на земле? Почему среди звезд нашей поэзии он самая высокая, самая яркая звезда?

Эти вопросы не от бессилия перед гением, а от восторга перед ним, его бесконечностью — в слове, мысли. Нравственная, гражданская сила поэзии и личности Пушкина очистительна, как рассвет после ночи. Но, мне кажется, мы ею не пользуемся в той полной мере, какая нужна людям. Малы, все еще малы тиражи книг Пушкина и о Пушкине. Удивляет бедность оформления изданий, особенно детских. Тем более странно видеть это на фоне скучающих в магазинах и библиотеках роскошных фолиантов плодовитых современных поэтов, писателей, в том числе детских. Почти не затрагивает пушкинскую тему кинематограф. Скромно обращается к ней драматический театр. А ведь у них бóльшая возможность, чем у оперы, где мы ограничены рамками имеющегося пушкинского репертуара...

Да, Пушкин живет в этом мире так же естественно, как сама природа, как ночь, воздух, музыка, цветы. Пушкин — неотъемлемое ощущение живой жизни и всего, что нам дорого, близко и понятно в ней. Но в то же время Пушкин — это вечная тайна.

Слово читателей

У меня дома есть небольшой «музей», в котором собраны альбомы с открытками, вырезки из газет, книги, значки, бюсты, портреты, барельефы, посвященные великому имени Пушкина. Я, когда работала, ежегодно отмечала день рождения поэта. Сейчас, выйдя на пенсию, устраиваю еще и вечера, посвященные Александру Сергеевичу, в которых принимают участие мои друзья и знакомые. Часто бываю в музеях Пушкина в различных местах нашей страны. Своими впечатлениями делюсь с близкими и друзьями.

Л. ПРОТОПОПОВА.
МУРМАНСК.

◇

Я думаю, что применительно к гению нашей литературы следует говорить не о какой-то одной традиции, а о многих. В первую очередь это «дум высокое стремленье», его неукротимое жизнелюбие, его теснейший контакт со временем и широкое, правдивое отображение его; строжайшая его взыскательность к своему творчеству, к каждой строке, к каждому слову. Благодаря всему этому нам осталось наследие, которое «тленья убежит».

Л. ГОРБАТОВ.
БЕЛГОРОД.

◇

Как нужен нам Александр Сергеевич Пушкин сегодня! Особенно в нашей борьбе за настоящего Человека, за красоту его поступков, за благородство характера. Демократизм поэта, его чистота в любви, его уважение к людям, умение дружить, его высокоразвитое человеческое достоинство, его борьба за честь, его интернационализм, любовь к своей Родине, его мечты о мире — все это нужно, очень нужно сегодня. Все это нам бесконечно дорого.

О. БАТИЩЕВА.
КОСТРОМА.

◇

Любимым сочинением Александра Сергеевича Пушкина всегда был и остается для меня поныне «Евгений Онегин». Оно может быть уподоблено монументальной симфонии, где стройная логическая последовательность развития поэтической мысли бесконечно расцвечивается все новыми и поразительно свежими «подголосками», углубляется шедеврами-вставками, как говорят в музыке — эпизодами в разработке. Вся эта поразительная полифония слога и чувства по завершенности формы, красоте и легкости фраз, вмещающих при этом бездну информации, не имеет, на мой взгляд, себе равных в истории литературы.

Великие традиции претерпевают постоянное развитие, постижение, переосмысление. Но пушкинская традиция — неизменна. Применительно к искусству хореографии традиции Пушкина я бы сформулировал так: высокая степень поэтической конденсации, гармоническая уравновешенность элементов композиции, одухотворенная безыскусственность языка. Традиции поэта — это традиции духовности.

Рашид АХМЕДОВ, балетмейстер.
БАКУ.

по дорогому Пушкину!

сов культура. - 1984 - 6 июня. - С. 6.

Владимир СПИВАКОВ, народный артист РСФСР:

Истинный сын гармонии

Пушкин — мой любимый поэт. С искренним наслаждением читаю я и его произведения, и пушкиноведческую литературу. Но сегодня, в день рождения гения России, мне хотелось бы поговорить об одной, но важной грани пушкинской музы, провести музыкально-поэтические параллели творчества поэта, связывающие две стихии — гармонию слова и музыки. И, конечно, основная параллель — Пушкин и Моцарт.

Вновь и вновь обращаясь к моцартовской музыке, я все чаще размышляю об этом. Мне даже кажется, что Пушкин в значительной степени влияет на наше сегодняшнее восприятие Моцарта. Волею судеб русский поэт как бы принял эстафету совершенства от музыканта.

В этом нет ничего удивительного, если вспомнить музыкальную восприимчивость Пушкина. Ведь многие его шедевры ведут свои истоки от звуковой стихии. Именно песенные впечатления, как мне кажется, стали завязью «Цыган». А каково умение вслушаться в обороты народной песенности — даже крупнейшие знатоки не могли отличить фольклорный оригинал от созданий пушкинской фантазии.

Да, в целостном художественном мире современного человека фигуры Моцарта и Пушкина сопрягаются, несмотря на разделяющие их время и пространство. Вот истинные сыновья гармонии! И совсем неважно, что один использует слова, а другой — звуки.

Загадочна неотразимая сила их притягательности. Чего уж, казалось бы, проще моцартовского менуэта или пушкинского «В те дни, когда в садах Лицея я безмятежно расцветал», но и там, и там какая-то пленительная сладость! Кто еще владел таким секретом простоты?

И Моцарт, и Пушкин умели сразу взглянуть, словно сквозь магический кристалл, на свое будущее детище как бы с орлиного полета, объять его целостное единство. Нам, музыкантам-исполнителям, достается нелегкая задача воплотить у Моцарта это единство в конкретном звучании. Но ведь такого же «соавторства» требует от читателя и «Медный всадник»...

Гений всегда непредсказуем. Подтверждение тому мы находим чуть ли не на каждой странице Пушкина и Моцарта. Я бы сказал, что Пушкин по-моцартовски свободно владел искусством неожиданных модуляций. Они всегда поражают меня, хотя бы я в сотый раз читал то или иное сочинение поэта. Собственно, он и сам указал на этот художественный прием, вложив в уста **своего** Моцарта характерную программную декларацию к двум-трем музыкальным мыслям:

Представь себе... кого бы!
Ну, хоть меня — немного
помоложе;
Влюбленного —
не слишком, а слегка —
С красоткой, или с другом —
хоть с тобой —
Я весел... Вдруг:
виденье гробовое,
Незапный мрак
иль что-нибудь такое...

Недаром проницательный Сальери оценил исполненную музыку двумя словами — смелость и стройность. Действительно, сочетать две эти ипостаси дано немногим.

Уверен, что слушатели смогли оценить блестки юмора, рассыпанные в сочинениях Моцарта. И это тоже роднит в моем восприятии двух гениев мировой культуры. Тот и другой всегда были готовы преподнести слушателю и читателю приятную шутку. Думаю, что Сальери, этого «академика в чепце», ревнителя классической строгости, вслед за игрой слепого скрипача, наверное, рассердила бы задиристость поэта, прервавшего зарисовку русской зимы:

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы
р о з ы;
На, вот возьми ее скорей!).

Есть какие-то судьбоносные точки соприкосновения Пушкина и Моцарта не только в творчестве, но и в их жизни, полной и радостных откровений, и тяжких разочарований. Им обоим улыбалась слава, они оба познали сладость успеха, но их подстерегало и гнетущее непонимание, внутреннее одиночество, и даже обычные материальные невзгоды.

Но они всегда были полны радости жизни! Они были влюблены в жизнь — и мы ощущаем это в каждой поэтической строке, в каждой музыкальной фразе. Поэтому они и помогают жить нам, являются путеводной звездой нашей духовности. Так будет вечно — и в третьем тысячелетии тоже.